

Ценностное сознание постсоветского студенчества: факторы и показатели постмодернизации

Л.Г. Сокурянская, О.Н. Кислова

В статье анализируется постмодернистский ценностный дискурс современного украинского и белорусского студенчества. Опираясь на материалы кластерного анализа, осуществленного по результатам международного исследования, авторы рассматривают объективные и субъективные факторы, способствующие постмодернизации ценностного сознания будущих специалистов.

Ключевые слова: ценностные ориентации, кластерный анализ.

У статті аналізується постмодерністський ціннісний дискурс сучасного українського та білоруського студентства. Спираючись на матеріали кластерного аналізу, здійсненого за результатами міжнародного дослідження, автори розглядають об'єктивні та суб'єктивні фактори, що спричиняють постмодернізацію ціннісної свідомості майбутніх фахівців.

Ключові слова: ціннісні орієнтації, кластерний аналіз.

У артыкуле аналізуецца постмадэрнісцкі каштоўнасны дыскурс сучаснага ўкраінскага і беларускага студэнтства. Абапіраючыся на матэрыялы кластэрнага аналізу, ажыццёўленага па выніках міжнароднага даследавання, аўтары разглядаюць аб'ектыўныя і суб'ектыўныя фактары, якія прыводзяць да постмадэрнізацыі каштоўнаснай свядомасці будучых спецыялістаў.

Ключавыя словы: каштоўнасныя арыентацыі, кластарны аналіз.

The article is devoted to the analysis of postmodern discourse of modern Ukrainian and Belarus students' values. The article is based on the materials of cluster analysis subsequent to the results of the international research. The authors examine objective and subjective factors which cause the postmodernisation of future specialists' value consciousness.

Key words: value orientations, civil identity, correlational analysis, cluster analysis.

Социокультурная трансформация, которую переживает сегодня Украина, как и другие посткоммунистические страны, актуализирует научный анализ направленности ценностных изменений, происходящих как на уровне общества в целом, так и отдельных социальных групп. Интерес социологов к исследованию данной проблемы, отчетливо проявившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в настоящее время не только не ослабевает, но и, по нашим наблюдениям, становится все более выраженным. Это объясняется той ролью, которую играют сегодня *ценностные предпочтения* различных социальных субъектов не только в трансформации всех сфер жизнедеятельности общества, но и самой его структуры. По нашему глубокому убеждению, основанному на результатах многолетних исследований данной проблемы, ценностная динамика – не только показатель, но и мощный фактор политических, экономических, моральных, социокультурных и т.д. изменений, характерных как для посткоммунистического пространства, так и для мира в целом.

Социологический анализ глобальных и региональных ценностных сдвигов акцентирует внимание на различных аспектах этого процесса. Назовем лишь некоторые из них. Так, в центре исследовательского интереса известного американского социолога Р. Инглехарта и его коллег – переход от материалистических к постматериалистическим и шире – к постмодернистским ценностям, то есть ценностная артикуляция цивилизационных изменений¹.

Ценностная трансформация постсоветского пространства активно исследуется российскими и украинскими учеными-социологами, научный интерес которых прежде всего направлен на выявление движущих сил этого процесса, его механизмов, факторной обусловленности и т.д.²

¹ См., например: Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990; Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

² См., например: Динамика ценностей населения реформирующейся России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов. М., 1996; Королько В., Танчер В. Запад и Восток на пороге «ситуации постмодерна» // The Challenges of Theory Symposium. Moscow, 1996; Головаха Е.И. Россия и Украина: общее и особенное в массовом и элитарном ценностном сознании // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: материалы международного симпозиума. М., 1997. С. 286-290; Катаев С. Трансформация сучасного українського суспільства: постмодерністський контекст // Людина і політика. 1993. № 3; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Т. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.

Особое место в ценностном дискурсе социологии занимает проблематика, связанная с анализом ценностного сознания различных социальных, в том числе социально-демографических групп, прежде всего молодежи¹. Последнее объясняется той ролью, которую призвана играть молодежь в «динамическом обществе» (К.Маннгейм), черты которого начинают приобретать и постсоветские страны.

Наш собственный исследовательский интерес в основном сосредоточен на проблеме динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи, обладающей такими важными социальными ресурсами, как возраст и образование. Эта «ресурсоемкость» студенчества актуализирует его субъектные характеристики, столь необходимые трансформирующемуся постсоветскому обществу.

Актуальность данной публикации, как и исследований, проводимых нами, обусловлена социальной потребностью в познании основных характеристик, в т.ч. ценностного мира, той части нашего общества, которая в будущем претендует на статус его интеллектуальной элиты. *Цель* нашей статьи – показать общее и различия в постмодернистском ценностном дискурсе студенчества двух постсоветских стран – Украины и Республики Беларусь.

Реализуя поставленную цель, мы обратились к результатам двух социологических исследований, проведенных кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина². В процессе обработки результатов, полученных в ходе этих исследований, нами была построена эмпирическая типология, отражающая артикуляцию в сознании украинских и белорусских студентов *традиционных, модернистских и постмодернистских ценностей*. Обратившись к типологии ценностей, основанной на социокультурных (цивилизационных) критериях, мы, с одной стороны, исходили из теоретических концептов Р. Инглехарта, реализованных им в масштабных социологических исследованиях, в том числе проведенных в некоторых постсоветских странах.

Акцент на *цивилизационной* генетике ценностей представляется нам невероятно важным при изучении их динамических характеристик. Это позволяет исследователю понять, какие элементы этоса конкретного общества (например, современных украинского и белорусского обществ) или социальной общности (в нашем случае – студенческой молодежи) ориентированы на воспроизводство давно сложившихся норм, целей жизни и средств их достижения, т.е. восходят к традиционным ценностям (семья, здоровье, материальный достаток и т.д.), что относится к *модернистским аксиофеноменам* (ориентации на инновации в достижении рациональных целей, «достижительные» ценности); что можно охарактеризовать как признаки *постмодернистских ориентаций* (стремление к самореализации, качеству жизни). Именно эти группы ценностей были выделены нами как в *терминальных*, так и в *инструментальных* (по терминологии Рокича) ценностях, представленных для оценки нашим респондентам.

С другой стороны, осуществляя *эмпирическую типологизацию*, мы основывались на теоретических конструктах одного из авторов данной публикации (Л.Г.Сокурнянской) о факторах становления социальной субъектности личности (или социальной группы), согласно которым важнейшими детерминантами субъектности являются ценностные ориентации личности (группы) и уровень их реализации в практической деятельности³. Обращение к данным

¹ Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социс. 1996. №12. С.90-105; Молодь України у дзеркалі соціології / Заг. ред. О. Балакіревої і О. Яременка. – К.: УІСД, 2001.

² Первое из них – «Современные университеты как центры формирования интеллектуальной элиты украинского общества» было осуществлено в 2000–2001 гг. в 20 вузах Украины (опрошено около двух тысяч студентов, выборка – простая районированная, критерий отбора единиц наблюдения – профиль получаемого образования). Второе – «Высшая школа как субъект социокультурной трансформации» проведено в 2002–2004 гг. в 22 вузах Украины (опрошено примерно 2200 респондентов) и 17 вузах Беларуси (объем выборки составил около 1000 респондентов). Выборка данного исследования построена по аналогии с выборкой предыдущего.

³ Определяя классифицирующие признаки, мы исходили из того, что субъектность личности или социальной группы (в нашем случае студенчества) как важнейшая характеристика современной и особенно постмодерной личности, в том числе, проявляется в *ориентациях* на те или иные ценности: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства), в частности, на определенные личностные качества, а также в *реальном*

конструктам помогло нам определить, насколько украинское и белорусское студенчество отвечает характеристикам *субъекта* современных цивилизационных изменений.

Итак, исходя из названного выше, мы осуществили эмпирическую типологизацию студенчества Украины и Беларуси, которая позволила непосредственно выявить эмпирически фиксируемые типы. Заметим, что при этом мы пропустили этап абстрактно-логического конструирования, свойственный методам построения теоретических типологий. В качестве метода реализации эмпирической типологизации нами была использована процедура кластерного анализа методом *k-средних*¹, которая, как известно, наиболее подходит для больших массивов данных, что было характерно для наших исследований.

Прежде всего подчеркнем, что именно кластерный анализ позволил нам обнаружить различия в структуре ценностных ориентаций украинских и белорусских студентов, тогда как одномерные и двумерные распределения свидетельствовали о схожих ценностных позициях этих двух групп постсоветского студенчества. Этот факт обусловлен спецификой методов многомерного анализа, в частности кластерного, позволяющих (в отличие от других методов) выявлять структуру анализируемых данных, что часто дает нетривиальные результаты в контексте исследуемого феномена.

Результаты кластерного анализа, предпринятого нами для выявления ценностной дифференциации украинского студенчества, представлены в наших предыдущих публикациях². Поэтому в данной статье мы в большей степени сосредоточимся на сравнительном анализе ценностных предпочтений украинского и белорусского студенчества.

Начнем с того, что в спектре ценностных ориентаций этих групп постсоветского студенчества представлены все социокультурные (цивилизационные) типы ценностей: традиционные, модернистские и постмодернистские. Как и в украинском массиве, в белорусском варианте мы получили пять кластеров, выделенных в соответствии с названными выше классифицирующими критериями: по два кластера модернистов и постмодернистов и один кластер традиционалистов. Однако «постмодернизм» и «традиционализм» украинских и белорусских студентов в значительной мере отличаются. Эти различия мы прежде всего пытались отразить в названиях кластеров. Так, если постмодернистские кластеры украинских студентов были обозначены нами как «постмодернисты – прагматики» и «постмодернисты – идеалисты», то аналогичные кластеры белорусских студентов получили название «постмодернисты – индивидуалисты» и «постмодернисты – коммуналисты». Отличаются своим названием и, естественно, содержанием традиционалистские кластеры украинских и белорусских сту-

уровне развития этих качеств у будущих специалистов. При этом мы исходили из самооценок наших респондентов того, насколько присущи им перечисленные в нашем инструментарии качества.

¹ Известно, что *методы кластерного анализа*, осуществляющие процедуру классификации исследуемых объектов, требуют задания критерия «похожести» объектов и алгоритма классификации. В нашем исследовании в качестве критерия «похожести» было выбрано *евклидово расстояние*, характеризующее близость/отдаленность объектов (респондентов) в пространстве признаков (терминальных и инструментальных ценностей). *Алгоритм классификации* – процедура, посредством которой на основе представлений о «похожести» объектов осуществляется разделение их на классы. Алгоритмы кластеризации делятся на иерархические (агломеративные и дивизимные) и неиерархические (методы *k-средних*). Иерархические методы считаются более предпочтительными, поскольку позволяют более обоснованно определить количество интерпретируемых кластеров. Однако эти методы обладают существенным недостатком – они имеют жесткое ограничение на количество анкет, участвующих в анализе (в SPSS, например, это число не должно превышать 400). Поэтому социологи обычно используют *алгоритмы k-средних*. В нашем исследовании, чтобы максимально нивелировать возможность неточного определения числа кластеров, была применена следующая процедура. Из основного массива анкет случайным образом были отобраны 400 (процедуру случайного отбора достаточно просто реализовать в SPSS), для которых при помощи иерархического кластерного анализа было выявлено оптимальное число интерпретируемых кластеров, затем методом *k-средних* кластеризовался весь массив данных при заданном числе кластеров, равном 5.

² Сокурнянская Л.Г., Кислова О.Н. Ценностная дифференциация украинского студенчества: кластерный анализ // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Харків, 2003. С. 534-539; Сокурнянська Л.Г. Студентство на шляху до іншого суспільства: ціннісний дискурс переходу // Український соціум. 2004. №1(3). С. 48-55.

дентов: «новые традиционалисты» и просто «традиционалисты», соответственно. А вот модернистские кластеры практически не разнятся. И в белорусском, и в украинском массиве эти кластеры названы нами так: «модернисты – индивидуалисты» и «модернисты – коммуналисты». Количественные характеристики выделенных нами кластеров представлены на рис. 1.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе количественных характеристик выделенных кластеров, это более высокий уровень артикуляции постмодернистских ценностей белорусскими студентами. В сумме постмодернистские кластеры в Беларуси составили 30%, в Украине – 22%. В то же время у белорусских студентов менее выраженным оказался модернистский ценностный дискурс (среди украинских студентов «модернистов» – 56%, среди белорусских – 43%). Что касается «традиционалистов», их несколько больше в Беларуси (27% по сравнению с 22% в Украине).

Таким образом, при всей амбивалентности ценностного сознания постсоветского студенчества (в данном случае – украинского и белорусского) в нем прежде всего представлены модернистские и постмодернистские аксиофеномены, при этом первые преобладают.

В поисках ответа на вопрос о причинах количественных и качественных отличий в ценностных ориентациях украинского и белорусского студенчества сравним основные характеристики выделенных нами кластеров, сосредоточившись на их постмодернистских парах, поскольку именно этот ценностный дискурс привлекает сегодня наибольшее внимание исследователей.

Рис. 1. Количественные характеристики выделенных кластеров по Беларуси (в %)

Рис. 2. Количественные характеристики выделенных кластеров по Украине (в %)

Итак, сравним украинских «постмодернистов-прагматиков» и белорусских «постмодернистов-индивидуалистов». Эти кластеры оказались наименее наполненными (4% и 5% соответственно). При всей близости характеристик рассматриваемых кластеров обращают на себя внимание отличия в степени выраженности главных кластерообразующих ценностей. Так,

если для украинских «постмодернистов-прагматиков» важнейшими терминальными ценностями являются экономическая независимость (3,82)¹, развитие и возможность применения своих способностей (3,78), то для белорусских «постмодернистов-индивидуалистов» такими ценностями являются личная свобода (3,33), полноценный отдых (3,22), развитие своих способностей (3,11) и бытовой комфорт (3,11). Белорусских студентов, вошедших в этот кластер, отличает самый низкий уровень ориентации на такую ценность, как семья (2,50; у украинских «постмодернистов-прагматиков» ценность семьи значительно выше – 3,78). Не случайно мы назвали этот кластер белорусского студенчества «постмодернисты-индивидуалисты». Вошедшие в этот кластер студенты отличаются и своими самооценками инструментальных ценностей (личностных качеств). Более всего им присущи: критический склад ума (3,33), стремление к самореализации (3,22), настойчивость (3,11) и чувство собственного достоинства (3,00). Украинские «постмодернисты-прагматики» самые высокие оценки дали таким своим качествам, как уверенность в себе (3,29), стремление к самореализации (3,78), настойчивость (3,78), прагматизм (3,30). Как белорусским, так и украинским студентам, принадлежащим к анализируемым кластерам, менее всего присущи такие качества, как готовность поступиться собственным благополучием ради гражданского долга (1,33 и 1,89 соответственно), непритязательность, скромность, умеренность в потребностях (1,89 и 2,45 соответственно).

Таким образом, для украинских студентов, представляющих «постмодернистов-прагматиков», более значимой оказалась такая постмодернистская ценность, как самореализация, для белорусских «постмодернистов-индивидуалистов» – качество жизни.

Сравним следующую пару постмодернистских кластеров: белорусских «постмодернистов-коммуналистов» (25%) и украинских «постмодернистов-идеалистов» (18%). Иерархия терминальных ценностей представителей данных кластеров практически не отличается, чего нельзя сказать о степени выраженности ориентаций на эти ценности. В наибольшей степени студенты, вошедшие в эти кластеры, ориентируются на такие постмодернистские ценности, как личная свобода (3,83 – белорусы и 3,30 – украинцы), развитие своих способностей (3,78 и 3,41 соответственно) и экономическая независимость (3,73 и 3,2 соответственно).

В то же время для белорусских студентов, вошедших в анализируемый кластер, характерен достаточно высокий уровень ориентации на коллективистские ценности (хорошие, добрые отношения с окружающими людьми – 3,72; польза, приносимая обществу, – 3,14; участие в общественной жизни, в решении проблем, стоящих перед обществом, – 2,85), что и послужило основанием для названия данного кластера – «постмодернисты-коммуналисты».

Коммуналистская направленность студентов этого кластера проявилась и в их самооценках уровня развития таких личностных качеств (инструментальных ценностей), как общительность (3,00), доброжелательность, готовность помочь людям (3,57), готовность поступиться общественным благополучием ради гражданского долга, общественных интересов (2,59).

Что касается аналогичного кластера, выделенного нами в массиве украинских студентов («постмодернисты-идеалисты»), то, оценивая степень выраженности тех или иных качеств, вошедшие в него респонденты на фоне весьма низкой самооценки прагматизма (2,48), прежде всего говорят о развитии таких личностных характеристик, как чувство собственного достоинства (3,17), честность (3,12), ответственность (3,09), доброта (3,04), творческий подход к делу (3,03), трудолюбие (3,02) и, естественно, стремление к самореализации (2,97).

Таким образом, в данном случае постмодернистский дискурс белорусских и украинских студентов отличается не столько содержанием такой интегративной ценности, как самореализация, сколько ее актуализацией благодаря различным инструментальным ценностям. По

¹ Приводимые в тексте числа – это средние значения степени важности терминальных ценностей (шкала измерения: 4 – очень ценно; 3 – ценно; 2 – не очень ценно; 1 – совсем не ценно) или средние значения выраженности определенных качеств личности, которые рассматриваются нами как инструментальные ценности, т.е. средства достижения ценностей-целей (шкала измерения: 4 – присуще в полной мере; 3 – скорее присуще; 2 – скорее не присуще; 1 – не присуще).

существо можно говорить о различных стратегиях самореализации личности будущего специалиста – коммуналистской (белорусский вариант) и идеалистской (украинский вариант).

Анализируя объективные характеристики постмодернистских кластеров, мы обнаружили, что у белорусских «постмодернистов-индивидуалистов», как и у украинских «постмодернистов-прагматиков», преимущественно «мужское лицо» (более 76% и 68% соответственно). Среди белорусских «постмодернистов-коммуналистов» и украинских «постмодернистов-идеалистов» преобладают женщины (соответственно около 70% и около 66%).

В первой паре сравниваемых кластеров больше всего студентов технических вузов, а во второй среди белорусов преобладают студенты-гуманитарии (это не удивляет, поскольку в этом кластере в основном представлены женщины), а среди украинцев практически в равной степени представлены студенты всех выделенных нами профилей обучения: гуманитарного, технического, естественнонаучного и экономического.

Согласно самооценкам, как украинские, так и белорусские студенты-постмодернисты, по сравнению со студентами всех других кластеров, – самые обеспеченные люди. В наибольшей степени это относится к украинским «постмодернистам-прагматикам» и белорусским «постмодернистам-индивидуалистам». Среди них больше всего выходцев из крупных городов (столицы и областных центров).

В этих же кластерах представлены дети самых образованных родителей. В другой паре сравниваемых нами кластеров по названным выше объективным характеристикам (место проживания до поступления в вуз и образование родителей) обнаружены значительные различия. Среди белорусских «постмодернистов-коммуналистов» существенно больше выходцев из села (около 12%, среди украинских «постмодернистов-идеалистов» – чуть больше 5%) (возможно, этим, в том числе, и объясняется их коммунизм) и меньше тех, чьи родители имеют высшее образование.

Можно предположить, что эти объективные обстоятельства предопределили субъективные характеристики представителей данного кластера: стремление к достижению не только более высокого социального статуса, чем у их родителей, но и качественно иного уровня жизни.

Есть различия и в экономическом поведении студентов, вошедших в анализируемые нами кластеры. Так, среди украинских «постмодернистов-идеалистов» по сравнению с белорусскими «постмодернистами-коммуналистами» больше тех, кто, обучаясь в вузе, постоянно или время от времени подрабатывает (около 73% и 43,3% соответственно). Более активны и украинские «постмодернисты-прагматики» по сравнению с белорусскими «постмодернистами-индивидуалистами». Среди первых *постоянно* подрабатывают около 29%, среди вторых – чуть более 11%. Возможно, причина тому – объективные обстоятельства, а именно: более широкие возможности для подработок у украинских студентов, что нам предстоит выяснить в ходе дальнейших исследований.

Обратимся к данным, характеризующим учебную активность «постмодернистов». Среди студентов всех четырех постмодернистских кластеров лучше всех учатся белорусские «постмодернисты-коммуналисты» (более 63% из них учатся только на «5» и «4»). А вот среди украинских «постмодернистов-идеалистов» таких же успехов в учебе добиваются только 40% респондентов.

В другой постмодернистской паре качественная успеваемость практически на одном уровне (58% – у белорусов, 57% – у украинцев). В целом «постмодернисты» учатся лучше «модернистов» и «традиционалистов». Не случайно жизненный успех они прежде всего связывают с собственным интеллектом, профессионализмом, деловыми качествами, прагматизмом и расчетливостью. О последних качествах как факторах жизненного успеха чаще всего говорят украинские «постмодернисты-прагматики» (50%) и белорусские «постмодернисты-индивидуалисты» (61%). Среди «постмодернистов» (особенно украинцев) больше и тех, кто считает, что для достижения жизненного успеха любые средства хороши.

Большая нацеленность студентов-постмодернистов на самостоятельность в суждениях и действиях проявилась и в ответах на вопрос о том, на кого они рассчитывают, думая о буду-

щем трудоустройстве. Только на себя полагаются около 60% студентов в каждом из четырех постмодернистских кластеров. В этом отношении они прежде всего, отличаются от «традиционалистов», особенно украинских, среди которых только 27% рассчитывают на собственные силы.

Возможно, именно этим – надеждой на себя – объясняется оптимизм «постмодернистов», который прежде всего свойственен украинским «постмодернистам-прагматикам» (около 61%). А вот тревогу по поводу своего будущего больше всего испытывают опять-таки традиционалисты (около 48% среди украинских и около 52% среди белорусских студентов).

Что касается политико-идеологических позиций постмодернистов, то и в Украине, и в Беларуси среди них больше всего тех, кто выступает за независимость своей страны. В то же время кластерный анализ позволил обнаружить интересный феномен: среди белорусских студентов, заявивших о своих симпатиях коммунистической идее (в целом их немного: 1,3% по всему массиву опрошенных), 36% – «постмодернисты-коммуналисты». Таким образом, коллективизм, четко обнаруживший себя в ценностных предпочтениях студентов, принадлежащих к этому кластеру, нашел свое подтверждение в их идеологических позициях. То же можно сказать и о «постмодернистах-индивидуалистах»: среди них нет ни одного, кто бы разделял коммунистические взгляды.

Что касается украинских студентов-коммунистов, то среди них постмодернисты представлены весьма незначительно – 2%.

В целом постмодернизм украинского студенчества имеет более выраженную социал-демократическую окраску, белорусского – национал-демократическую. «Постмодернисты» (как белорусские, так и украинские) чаще представителей других кластеров участвуют в деятельности общественных организаций (до 15%), им присущ более высокий уровень протестной активности (каждый пятый в Украине и каждый четвертый в Беларуси готов принять участие в акциях протеста даже в том случае, если может пострадать от этого).

К сожалению, объем статьи не позволяет нам дать исчерпывающую характеристику построенным нами постмодернистским кластерам. Тем не менее, опираясь на результаты сравнительного анализа, представленные в данной публикации, можно сделать некоторые выводы о, если можно так сказать, национальных особенностях постмодернистского дискурса постсоветского студенчества.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что среди белорусского студенчества постмодернистские ценности выражены несколько значительнее. При этом, если постмодернизм украинского студенчества выстраивается по оси «прагматизм-идеализм», то белорусского – по оси «индивидуализм-коммунализм», что, вероятно, можно объяснить некоторыми особенностями менталитета двух этих народов. Украинский постмодернизм отличается большей артикуляцией такой постмодерной ценности, как самореализация, белорусский – акцентом на качестве жизни.

Анализ самооценок уровня развития инструментальных ценностей (личностных качеств) постмодернистов позволяет говорить о различных стратегиях актуализации постмодернистских терминальных ценностей (как самореализации, так и качества жизни): прагматической, идеалистской, коммуналистской и индивидуалистской. Студенты-постмодернисты (и белорусы, и украинцы) лучше учатся; проявляют большую самостоятельность, надеясь в жизни прежде всего на себя; для них характерен оптимизм, уверенность в собственных силах; их отличает более высокий уровень политической активности, готовность к протестным акциям; достаточно большая часть из них не гнушается пользоваться любыми средствами для достижения поставленной цели.

Среди факторов, детерминирующих постмодернизацию ценностного сознания студенчества, как в украинском, так и в белорусском варианте, наиболее значимыми являются такие, как достаточно высокая материальная обеспеченность, высокоурбанизированный образ жизни и образовательный капитал родительской семьи.

К макрофакторам, определяющим политические ориентации, в том числе студентов-постмодернистов, необходимо, на наш взгляд, отнести особенности общественно-

политической ситуации в украинском и белорусском обществах. В украинском контексте актуализируются социал-демократические предпочтения будущих специалистов, в белорусском – национал-демократические.

И еще один вывод хотелось бы сделать, завершая данную статью. Нам представляется, что столь распространенное сегодня мнение о меркантильности современной молодежи, в т.ч. студенческой, ее прагматизме, практицизме и расчетливости обусловлено тем, что артикулирующие эти ценности молодые люди представляют не очень многочисленную, но весьма активную, целеустремленную и дерзкую часть нового поколения, способную мыслить и действовать не так, как поколение родителей. Вспомним о ценностной нейтральности исследователя и не будем выносить приговор этой части молодежи. Во-первых, потому что ее поведение – это ответ на вызовы времени, во-вторых, потому что есть и другая молодежь, в ценностном сознании которой преобладают традиционные ценности, наконец, потому что, как показало наше исследование, постмодернистский и модернистский ценностный дискурс вовсе не исключает артикуляцию Разумного, Доброго, Вечного. Надо только захотеть увидеть это в современной молодежи.